

Четверо всадников на оленях продвигались по тайге. Замыкал этот небольшой отряд Матвей Брагин. Шли неизвестными для преследователей тропами. Путь лежал неблизкий: через перевалы гольцов, через мари и болота, лесные заросли; гнус тучами сопровождал ездовых, мошка и комары лезли в глаза, кусали лицо и руки, а оттого часто отмахивались, ругая назойливую мелкую тварь.

Но всё это не омрачало путников, их радовало золото, что везли с собой. А какова его цена, никто из них и не думал, вернее, не желал думать. Из банды единомышленников погибли несколько человек, среди них главарь Фома Рябов по кличке Упырь. С Рябовым Брагин более всех знаком был — земляки и вместе не один срок в тюрьмах отмотали. Освободившись от последнего срока, узнали от вербовщиков, что на сибирские золотые промыслы рабочие требуются, вот и покинули, не раздумывая, свою деревню, что в Рязанской губернии затерялась.

Прибыли на прииски, устроились на работу. Однако труд-то уж больно тяжким оказался: с утра раннего до вечера позднего, жильё в ветхих казармах, да народу в них как селёдки в бочке, оплата невеликая, и вычетами немалыми облагали. Хозяева

промыслов во всём экономии видели и о горняках не пеклись. Мор среди народа и выезд части рабочих из-за безысходности бытия их не волновал, потому, как в очереди найма уж много люду стояло — складно вербовали сюда, заманивали глашатаи словами: «самородки», «фарт», «безбедная жизнь». Вот крестьяне и оставляли свои семьи в деревнях и сёлах в надежде на жизнь здесь заработать.

Вкусив такую «сладкую жизнь» с кайлой, лопатой и тачкой на прииске Мариинском, Упырь не пожелал за копейки гнуть спину на господ тутошних и сколотил из бывших уголовников банду. Пронеслись вихрем по двум приискам, часть служивых и двух старателей положили, не без этого — кто ж золото за просто так отдаст, а тут и своих напарников в перестрелке потеряли.

Теперь же путники размышляли: от погони ушли, два пуда золота на четверых везём. «Моя доля двадцать фунтов — это ж целое состояние! Всё складывается как нельзя лучше, впереди другая жизнь!» — ликовал Матвей Брагин.

«Да, впереди другая жизнь... — повторил мысленно Матвей и углубился в свои размышления: — А была ведь и иная, была...»

И словно пред глазами предстала род-

ная деревня, тонкой линией потекли мысли о былом времени.

Рано Матвей остался без отца и матери — ушли оба родителя из жизни по болезни преждевременно и в один год.

Ушли и оставили на белом свете своего единственного сына Матвея, названного в честь деда по отцовской линии. Ох, и рад был старик внуку — ведь наследник рода теперь имеется, а стало быть, и помирять не страшно — есть, кому фамилию продолжать! А вскоре и помер, так и не узнав, что сын его с невесткой следом за ним земле предались.

Приютила к себе сироту тётка Агафья Шагаева — старшая сестра матери Матвея. Своенравная баба: что не по ней — всякому выговорит, а то и накричит, любила расправляться. Можно сказать, не муж, а она glavой семью значилась.

В семье свои трое ребятишек, а тут ещё один рот прибавился. Куда ж его деть? Не вступишь — вся деревня осудит, проходу давать не будут, осуждая. Вот и пришлось приютить, хотя и не желала — это ж угол определять парнишке надобно.

Муж Агафьи Иван по натуре тихоня и скромный. Деревенские люди говорили, якобы Агафья, познав характер Ивана Шагаева, окрутила и женила на себе. Кто ж такого мужа не захочет иметь, вот он — добрый и совестливый, работающий, к тому же и алкоголь не уважает. В отца Никодима Петровича Иван пошёл, зная по крови перешло. Отец под пятой жены всю жизнь прожил и своему сыну такую же долю по наследству передал.

Корова, лошадь, свиньи, куры и гуси — таково подворье Шагаевых. А с таким хозяйством и управляться надобно.

Зимой в школу Матвей за три километра ходил, не было в их деревне учительницы. Вот дети и мерили ногами дорогу каждый день — туда три версты и обратно. Учился Матвей без особого желания, но старался, как мог, оттого учёба всё ж подавалась.

Одолевал он начальные классы. Родители отправили б его и далее учиться, если б живы были. Но, нет их, родителей-то — оставили они лишь память о себе с деревянными крестами на кладбище. Придёт иной раз на могилы Матвей, повздыхает, расскажет вслух пред ними, как живётся, о чём думает, и вертается в дом Шагаевых.

«Ни к чему тебе грамотность, и без неё люди живут. Неча распыляться на науки, всё одно, в деревне они непригодны. Буквы знаешь — и ладно, знать, и письмо сможешь написать при надобности», — так говорила Матвею тётка, и никто не перечил ей в этом.

Вот и тянула Агафья Матвея к своему хозяйству, чтоб на двор Шагаевых трудился, мужу помощником был. Агафья сама

решала, как дальше жить племяннику, и он повиновался. А куда деваться? Некуда.

Своим же детям тётка наказывала: «Учиться далее пойдёте. Неча по деревне за коровами ходить, в люди выходить надобно». Подумывала Агафья отправить своих отпрысков в город — в гимназию определить. Знал это Матвей, и его обида донимала.

С малолетства Матвея к сенокосу приучили. Чуть свет, а он уже с дядькой Иваном в поле. Почти не отстаёт, когда косой машет. Коса острая, траву из-под росы ровно берёт, ровно и трава ложится, словно её руками в ряды кладут. Это от сноровки и умения. А сноровку Матвей в этом деле быстро схватил. Иван не мог нарадоваться родственником.

Сушил сено, стоговал его, вывозил до подворья опять-таки с дядькой, боле никто не помогал. Воды с колодца для домашней нужды, накормить живность, другие хлопоты — всё на Матвее. К вечеру парень, можно сказать, с ног валился. Уставал, но досыта наевшись, засыпал, а за ночь тяжесть, что к спине приставала, отступала. Отступала, но ненадолго — с раннего утра опять вместе с ним просыпалась и работа, и некогда было думать, окромя как о нескончаемых хозяйских заботах. Но всё ж минуты отдыха были, не целый день впряжённый Матвей был — трудолюбие и расторопность давали ему желанную отдушину.

Деревенские бабы как-то у торговой лавки высказали в глаза Агафье:

— Что ж ты сироту, словно за вола держишь? Надорвётся ведь парень!

— А вы советы мне не больно давайте, в мой огород лезть не надо! Он что, не обут, не одет? Обут и одет. А задарма кто ж ныне кого кормит-то? Не найти дураков таких? Можя, из вас кто накормит? Что, и сказать неча? — отвечала Агафья.

Когда стал взрослее Матвей, в нём и мужик зрелый стал просыпаться — нет-нет да на девчат заглядывал, примечал, какая больше по нраву. Хотелось жениться, своим домом обзавестись, детишек иметь, учёбу дать и к труду приучить их.

И приметил дивчину.

Шибко приглянулась ему Нюра — дочка Петра Ильича Ряхова. Семья Ряховых с твёрдым устоем, хозяйство немалое, в общем, не из бедных. Нечета Ильё Гавриловичу Перевалову — первому на деревне, можно сказать, кулаку, что позволяло ему и троих батраков держать. Зазя хлеб у Переваловых батраки не ели — трудились натужней, чем Матвей у Шагаевых.

Нюра, как про таких девушек говорят, видная, кровь с молоком. Коса русая, щёки румяные, а как молвить начинает, так, словно с напевом слова выговаривает.

Как соберётся молодёжь вечером на посиделки, так Матвей только на неё и поглядывает. Минуты улавливал удобные, чтоб шепнуть что-либо. Взаимностью отвечала Нюра Матвею, не отказывала полюбезничать с ним, видать, парень ей нравился. Знала, из какой семьи он, что сирота, серьёзный и работающий, на лицо видный, чтоб курил или, выпивши, был — ни разу не примечала. Такой ей был к душе, но открыто на словах ему даже и не намекала. «Не к лицу девушке в этом первой признаваться», — рассуждала Нюра.

Как-то в поле меж минутами отдыха Иван с Матвеем завёл беседу:

— Ты, Матвей, уже силу взял, видал, какой вымахал, а посему на свои б ноги надобно тебе становиться — угол строить, обживать. Не дело всё спину гнуть на дворе нашем. Нет, не гоноу тебя, конечно. Я б рад и далее чтоб ты с нами проживал — всё ж родственник и мне помощь большая. Просто сам видишь, как живёшь. Думал уж об этом, аль нет?

— Думал, дядя Иван, думал... — Матвей бросил взгляд вдаль, смотрел с грустью, но какие сейчас мысли его одолевали, не признался.

— Девица-то есть на примете? — осведомился Иван, взял соломинку в зубы, перекусил её и выплюнул.

— Есть.

— Знать можно мне?

— Отчего не можно, можно. Нюра — дочка Ряховых.

— Хороша дивчина. Однако вряд ли что меж вами получится.

— Это ещё почему? — насторожился Матвей.

— Отец уж больно у неё с гонором. Зная, что у тебя, кроме рук, ничего не имеется, так и разговаривать не станет. С достатком жениха своей дочке искать будет.

— Так я ж не на её отце жениться собираюсь! А мы любим друг дружку.

— Для Ряхова ваша любовь — не аргумент, — вздохнул Иван. — Ему с достатком зять нужен. Поверь, я-то знаю его лучше тебя.

Душа Матвея в грусть впала, но виду не подал. Работать продолжал молча, всё размышлял о Нюре, её отце, о себе. Иван это видел и парня не отвлекал разговорами. «Пусть переваривает, может, впродолжение», — думал Иван.

Вечером за ужином Агафья уронила нож и проворчала:

— Да что ж такое? В третий раз за день нож из рук выскальзывает. Не к добру, видать, не иначе, что-то приключится.

И приключилось. Но только не с Агафьей, а с племянником.

Через три дня после этого беда и произошла.

Матвей шёл мимо усадьбы Ряховых. Он вообще иной раз специально старался проходить этой улицей — хотелось видеть Нюру. В этот раз он и увидел её. Она его сразу заметила и засмушалась, глаза прячет, но хочет, чтоб Матвей увидел её и подошёл. И Матвей подошёл.

— Здравствуй, Нюра. Вечером-то придёшь на посиделки? Или, может, погуляем вдвоём за околицей, пообщаться бы надо.

— И о чём же говорить будешь? — улыбнулась девушка, догадываясь о причине погулять наедине.

— А вот придёшь — и шепну, — Матвей ещё хотел что-то сказать, да тут верхом на коне лихо подъехал Кузьма Перевалов — сын того самого кулака Перевалова.

Словно не замечая Матвея, он, не поздоровавшись, громко и весело воскликнул:

— Нюрка, завтра жди сватов! Пирогов напеки, чтоб с чаем угощаться, а может, и ещё с чем покрепче!

Не знал Матвей, что Кузьма на девушку глаз положил, а посему такое заявление было для него, как внезапный и крупный град на голову.

Как же так, с Нюрой друг дружке тропу протапывали, можно сказать, уж и понимали, о чём сказать хотели друг другу, а тут — на тебе! Досада и оторопь его одолели, смятение в душе возникло невероятное. Да такое невероятное, будто в животе что оборвалось.

— Кого сватать-то собрался? — опешила Нюра.

— До себя сватов жди!

У Нюры голос пропал — горло сдавило, а как отпустило, так она, стараясь бодриться, промолвила:

— А ты спросил меня, хотела б за тебя замуж?

— Ты мне нравишься, и родители меж собой уж всё решили. Не трусь, всё будет ладно, по-людски!

— Да нет, не по-людски так, и опоздал ты. У меня есть уже жених, — стыдно было говорить такое, но в эту минуту девушка поняла — уходит её счастье, уходит супротив её воли, родители сами решили её судьбу, даже не спросив, не обмолвившись с ней об этом. А Матвей услышит, так корить не станет — тут ведь какое выворачивается.

Матвей не выдержал наглого предложения Кузьмы и бросил:

— Нюра не вещь, чтоб ею распоряжаться против её воли! — душа негодовала, кипела, готов был наброситься с кулаками на Перевалова, еле сдерживался.

— О, никак это и есть жених? — скривился в язвительной улыбке Кузьма.

Перевалов знал про отношения меж Матвеем и Нюрой, но значения не придавал и относился к Матвею не как к сопернику — не того полёта птица — сирота и без

дома. К тому опирался на родительскую хватку — в любом деле они могли всё решить, как желали, а тут невесту определить — это ж плёвое дело, если сыну дивчина по нраву и Ряхов пожелал сродниться.

— Могу обрадовать: да я! — еле сдерживая себя, кинул Матвей.

— Ну, уморил ты меня, Матвей. Гольтыба ты драная, шалаша даже своего не имеешь, денег-то ни гроша за душой нет. Ковыляй отсюда, пока конём не потоптал.

Матвей не выдержал. Ухватив Кузьму за рукав, рывком стянул с коня и свалил наземь. Ударил раз несколько, ударил до крови. Кузьма орал:

— Ты чего, с ума сошёл?! Ты чего?! Прочь руки от меня, а не то!.. — И осёкся, получив крепкий удар в скулу.

Матвея понесло дальше. Ухватив Кузьму посереде толовица, поволок его к кадке с водой, что стояла почему-то подле ворот, а не во дворе хозяев, и с головой окнул Перевалова в эту бочку. Крика не стало слышно — Кузьма стал захлёбываться, сопротивлялся, махал руками и ногами, но цепкие руки Матвея держали его накрепко. Утопил бы, наверное, Кузьма своего обидчика, если бы не Ряхов — отец Нюры.

На шум выбежал хозяин дома, Пётр Ильич. Распахнув калитку и завидев такую необычную картину, сообразил сразу, в чём дело. Со всего маху бросился к бочке и опрокинул её. Вода с шумом хлынула из кадки, а спасённый Кузьма, испуганный и мокрый, дышал тяжело, отплёвывался и отхаркивался.

— Ты чего это, поганец, вытворяешь?! На добрых людей кидаться! Да тебя в петлю за это надо втаскивать! Ты посмотри на него!

Кузьма, чуть отдышавшись, вскипел:

— Да я тебя в тюрьме сгною! Через батеньку немедленно все бумаги в суд на тебя оформим! Голодранец!.. — ещё какие-то недобрые слова хотел Перевалов потребить, но приступ удушья и наличие попавшей в нутро воды его остановили, он поперхнулся, закашлялся.

— И правильно! Бумаги в суд! И поделом ему! — поддакнул Ряхов и стал помогать подняться Кузьме. Матвею же бросил: — Цыть от моего двора, и чтоб близко никогда больше не видел!

— Ты, Нюрка, не больно-то глазей! Уведи коня во двор и сама — вон с улицы, в дом иди! — прорывал Ряхов и повёл Кузьму к калитке и в дом.

Нюра, прежде чем исполнить волю отца, глянула на Матвея и шепнула:

— Матвей, ну и потешно же ты Кузьму испукал, прямо, как курицу запарил. Ты не думай, не люб мне Кузьма. — А у самой еле слёзы в глазах сдерживались.

— Я знаю, — слабо улыбнулся Матвей.

— Знаю.

Матвей пошёл прочь — уже не с кем было говорить. Нюра увела коня во двор, а выйти на улицу — боялась отца послушаться. И всё же вышла и уединилась. Душа была встревожена, ныла и трепетала от обиды: «Это как же так батенька решил, не спросив меня, люб ли мне Перевалов? Этот мерзкий вообрижала, наглец, вот решил — и всё тут. Правильно Матвей сказал: я ж не вещь какая. Не приведи Господь, если батенька от своих слов не отступится. А он не отступится, не тот человек, чтоб назад двигаться, тем паче с Переваловым уж договорённость имеется. Господи, ну за что ж супротив меня такая несправедливость навалилась? За что?..» Нюра расплакалась, и эти слёзы никто не видел — сидела одна в глубине двора и, всхлипывая, страдала.

Страдал и Матвей. Слезу не ронял, как Нюра, не по-мужски. В себе комок держал, а вытащить его из груди сил не хватало. Душу распирала злоба, обида и ненависть к Перевалову. А тут ещё и Ряхов заявил, мол, чтоб и близко около его двора не видел.

— Наперекор пойдёт, это факт... Не отдаст за меня Ряхов Нюру, не отдаст... — тяжесть ещё более грузная на сердце легла от рассуждений.

На деревне же народ только языками и тёрли, как Матвей Кузьму в кадке мочил. Обсуждали со смехом и прибаутками. Им смешно и в диковину, а Матвею беда. Переваловых же насмешки сельчан ещё больше раздражали, злили.

Несколько дней Матвей ходил сам не свой — душа негодовала, кипела, голову распирала обидные слова Перевалова и Ряхова, а главное, он не видел Нюру. Не от кого было узнать, как она там, что говорят её родители. Ни с кем не разговаривал, на вопросы не отвечал, даже с дядькой Ивановым не общался, хотя уважал его и жалел. Иван переживал за родственника, Агафья же рукой на Матвея махнула, для себя отмечая: лишь бы по хозяйству помогал, а то, что с ним приключилось, её не касается — сам влез, пусть сам и слезает.

А далее дни Матвея и вовсе закрутили. Да так закрутили, что только успевай разворачиваться.

Подали Переваловы на Матвея в суд. В свидетели вписали Ряхова. Тот не отказывался, считал: если определят Матвея в тюрьму или сошлют куда-либо, то и Нюрка вскоре забудет его, и свадьбе помехи не будет, уж больно желает Кузьма его дочку замуж взять, а тут смотри родня какая — первый на деревне зажиточный человек этот Илья Гаврилович Перевалов.

Суд состоялся и состоялся скорый. Видать, бумаги Переваловы весьма складно

написали, а может, и приврали чего да деньгами кого надо ублажили, а как же без этого, коль хочется сделать всё по-своему. Пострадавший на суде предстал с большим синяком под правым глазом и выбитым передним зубом.

Сослали Матвея на два года. А освобождёлся, в деревню возвращаться не стал, узнал, что Нюру всё ж замуж супротив её воли за Кузьму Перевалова выдали и ребяташек она двоих родить успела.

А узнал он новость такую от неоднократно отсидевшего в тюрьмах из его же деревни Фомы Рябова. Сдружился Матвей с Фомой, и, можно сказать, далее его жизнь в одной колее с ним пошла. Везде вместе, сообща недобрые дела творили, за что опять в казематы угодили. Водка и табак теперь для Матвея были делом обыденным, вроде как потребным. Наверное, чтоб любовь позабыть и горе утопить, забыться. Фома не то что верховодил Матвеем, просто Матвей сам к нему тянулся. Знал: поддержка его всегда рядом, сильный и хваткий, правда, с крутым характером. Вдвоём могли в любой шумной компании за себя постоять и память в синяках недругам оставить.

«Фома... Да, сгинул ты с земли этой грешной. Не дожил до дней хороших. Вона сколь золота прём — душа радуется, — Матвей вспомнил о друге. — А ведь всё ты, благодаря тебе мы его заимели. Не было б тебя — и золота этого не было б... Эх, Фома, Фома...»

Тут его думы перенеслись о деревне, а вернее, о Нюре: «Как она там, живёт? С нелюбимым человеком, наверное, словно птичка в неволе. Вот уж судьба нам подарков надавала — ни мне счастья, ни ей. А что если в свою деревню вернуться или в соседней деревне, какой осесть? С Нюрой увидимся, время, может, что поменяло: если у неё жизнь тяжкая, так заберу её, с детьми заберу. Да нет, где там, — отбросил Матвей такую искорку надежды. — Где там ей, коль держат дети и власть родительская. Тем паче двойной тягой держат — Ряхов и Перевалов. Приеду, обустроюсь, женюсь, семьёй обзаведусь, дом большой поставлю, хозяйство заведу. Увидят деревенские люди, каким богатым стал Матвей, обомлеют. Откуда счастье привалило, молвить никому не буду — ни к чему себя на плаху подставлять, хватит, нахлебался горя всякого, а злых глаз и

ушей множество, того и гляди либо сглазят, либо нашепчут кому от зависти. Золото потихому сбывать буду, в городе где-либо, а может, и ещё далее, осторожно и скрытно. А как увидят мою зажиточность, так пусть жаба и гложет Ряхова и Перевалова. Пусть! Пусть гложет!..» У Матвея от последних рассуждений на душе как-то отпустило, просветлело.

Изначально охватившая Брагина радость от возвращения в деревню богатым человеком постепенно сменилась раздумьями о времени, прожитом на прииске Мариинском, о заговоре и как покинул он промыслы. Ему вспомнились убитые бандой на зимовье Гераськино копачи-старатели, содержатель зимовья Климент и лишённые жизнью служащие приисков. Предстали перед глазами погибшие напарники Упырь, Клин, Проха, Пестриков и двое братьев — Лёшка и Гришка. Ушли единомышленники в иной мир, не обретя на земле своего счастья. От этого на душе у Брагина стало неуютно, и он вдруг осознал, что драгоценный металл, который наконец-то у него в руках, запачкан людской кровью, и даже не запачкан, а ею омыт, и это никогда не забудется. Это навсегда останется в его сознании, и золото, принося ему достаток, будет каждый день видеться, наверное, презренным металлом и стоять, словно бельмо в глазу, на всю оставшуюся жизнь.

Брагин задумался: «Принесёт ли это золото мне счастье, не будет ли оно терзать душу до скончания моего века?.. Ведь какой грех на душе тяжкий...» Тут он словно встрепенулся, отогнал тяжкие мысли и внимание переключил на напарников, неспешно продвигавшихся впереди на оленях с вещмешками, на окружавшие его таёжные просторы и горизонт, обрамлённый очертаниями гольцов и сопок, на облака, плившие в недосыгаемой голубой бездне.

Однако мысли опять его вернули к прежнему рассуждению.

«Надо бы до дел грядущих перво-наперво в церковь сходить — исповедоваться, ибо грехи мои тяжкие ранее времени к земле преклонят. — Матвей глянул в небо, снял шляпу, прижал её к груди и еле слышно прошептал: — Господи, упокой души, мною загубленные, не гневишь на раба твоего божьего Матвея... Прости меня и сохрани, грешного...»